

ОБРАЗЫ НЕМЕЦКОЙ ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ В РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКА

С.С. Жданов

Ключевые слова: герой-немец, образ военной элиты, русская литература.

Keywords: German character, image of military elite, Russian literature.

DOI 10.14258/filichel(2020)3-05

В настоящее время имеется весьма большое количество литературоведческих работ, посвященных образам немцев в русской литературе. В то же время гораздо меньше исследований, которые бы рассматривали данную проблематику, ограничиваясь не творчеством одного-двух авторов, но на гораздо более широком текстовом материале, взятом в значительном временном диапазоне, задающем диахронический контекст анализа. В качестве примеров последних можно привести монографии Д. Бодена [Boden, 1982], О.Б. Лебедевой и А.С. Янушкевича [Lebedeva, Januškevič, 2000], С.В. Оболенской [Оболенская, 2000]. Но и в исследованиях указанных авторов тема данной статьи – образы немецкой военной элиты – не является аналитическим фокусом.

Не рассмотренными образы немцев-военных остаются в работе А.В. Жуковской, Н.Н. Мазур, А.М. Пескова, посвященной немецкому типажному герою в русской беллетристике, под которым исследователи понимают «<...> героя, чьи черты <...> и приемы их подачи дублируются в разных произведениях разных авторов столь часто, что само узнавание типажа становится одним из условий адекватного восприятия героя и текста <...>» [Жуковская и др., 1998, с. 38]. Между тем образ немецкого офицера, как мы далее постараемся доказать, вполне подходит под определение типажа, имея набор устойчивых описательных черт, повторяющихся в литературе «первого» и прочих рядов, в текстах романов и повестей, в путевых заметках и т.п.

Предваряя описание типажных черт в образе немца-военного, заметим, что фоном при изображении последнего является имплицитное или эксплицитное сравнение Своего (русского) с Другим (немецким). При этом позиция авторов исследуемых нами текстов

относительно немецкой военной (правлящей) элиты (преимущественно прусской) как минимум амбивалентна и достаточно часто в разной степени критична – от аристократической покровительственности у В.Н. Зиновьева до язвительного осмеивания у М.Е. Салтыкова-Щедрина и С. Черного. Нередко в тексте диада «русскость – немецкость» трансформируется в триаду, третьим элементом которой выступает французскость. Здесь следует вспомнить французские «пристрастия» в русской культуре, где Германия рассматривалась в качестве периферии Запада, а Франция – в качестве его центра. Этот взгляд на общеевропейскую имагинальную географию встречается уже у Д.И. Фонвизина и сохраняется вплоть до щедринского травелога, в котором Париж и Берлин играют роль двух полюсов Европы. Россия же выступает здесь как великая северная (или восточная) держава, чьи пространства составляют контраст с территорией отдельных немецких земель, объединенных в империю лишь в конце рассматриваемого нами периода. В самом деле, те же авторы конца XVIII века не высказывали особого почтения правителям карликовых государств: «*маленькому князю*» Касселя (Зиновьев, 2008, с. 349)¹, и иным «мелким принцам» (Фонвизин, 1959, с. 455).

Вместе с тем в русской культуре восприятие периферийности (провинциальности) немецкой элиты обуславливает мотив размытости социальных границ, приводя к слиянию образов аристократов и филистеров. Например, в Дрездене В.Н. Зиновьев сетует, что, «*к сожалению, премалейшее расстояние между народом и дворянством нашел*» (Зиновьев, 2008, с. 340). Прусские министры, по мнению автора, почти не отличаются от мастеровых: «*Нет ничего смешнее, как здешние министры! Надобно <...> знать, что они таковые, а то примут и за мастеровых <...>*» (Зиновьев, 2008, с. 337). Иронией проникнуто и портретное описание Фридриха Великого, которое значительно отличается от стандартно-величественного образа монарха: «*<...> вышел с палкой, с костылем, в синем мундире, закиданном табаком, и сапоги весьма красноваты. Трудно вообразить, что сей – тот, который против всей Европы оборонялся в одно время и всех <...> расщелкал; но сие есть действие привыкших глаз к роскоши*» (Зиновьев, 2008, с. 338). Ту же простоту в манерах прусского короля, по О.А. Фарафоновой, отмечает и служивший в его армии прапорщик А.Я. Климов [Фарафонова, 2017, с. 41].

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

Д.И. Фонвизин еще критичней характеризует аугсбургских патрициев, которые, с его точки зрения, *«не заслуживают человеческого имени»*, и попутно обращается к оппозиции «маленький – большой» для характеристики немецкой элиты: *«<...> больших господ нет»* (Фонвизин, 1959, с. 515).

Размытость социальных границ в поведении и одежде берлинцев фиксирует и Н.М. Карамзин, приветствуя их умеренность (*«...самые богатые и знатные люди [в Берлине – авт.] не расточают денег на суетную роскошь...»*) (Карамзин, 1987, с. 48)), но в то же время удивляясь столь сильным различиям в представлении о приличном между немецкой и русской элитой: *«Я видел старика Ф** едущего верхом на такой лошади, на которой бы, может быть, и я постыдился ехать по городу, и в таком кафтане, который шит <...> в первой половине текущего столетия»* (Карамзин, 1987, с. 40).

Аналогично оппозиция «экономность – расточительство» противопоставляет немцев (включая аристократов) русским дворянам в тексте Ф.П. Лубяновского: *«<...> здесь роскошь не в вышней степени. <...> Весьма посредственный у нас помещик был бы тут на доске первых богачей»* (Лубяновский, 1805, с. 16-17).

В шуто-трагедии И.А. Крылова «Подщипа» образ немецкого принца Трумфа включает в себя как филистерские черты (от употребления пива и курения трубки до обдумывания идеи безмятежной семейной жизни, которую будущий *«топра мушь»* (Крылов, 1956, с. 346) обещает Подщипе), так и характеристики лихого вояки, любящего стрельбу из пушек и рукоприкладство.

Еще решительнее в отношении смещения филистерского и аристократического начал в немце высказывается А.И. Герцен в статье «Русские немцы и немецкие русские»: *«<...> все они имеют одинакие зоологические признаки, так что в немце-сапожнике бездна генеральского и в немце-генерале пропасть сапожнического; во всех них есть что-то ремесленническое, чрезвычайно аккуратное, цеховое, педантское <...>»* (Герцен, 1958, с. 149).

Схожесть в поведении и одежде между третьим сословием и аристократами снижает образы последних, но в ряде случаев не без доли иронии возвышает образы первых. Так, с точки зрения госпожи Курдюковой, героини поэмы И.П. Мятлева, немецкие обыватели производят впечатление *«веритабль кавалье»*, хотя в действительности они *«кучера, ткачи, маркеры»* (Мятлев, 1904, с. 22).

В произведениях русской литературы первой половины XIX века слияние филистерской и аристократической сфер отчетливо демонстрируется именно в образах немецких военных. Это

обусловлено тем, что офицерские чины в России традиционно закреплялись за дворянством, к тому же воинская служба довольно продолжительное время в глазах общества имела преимущество перед гражданской. Соответственно, привлечение к военной службе третьего сословия рассматривается русскими авторами как нечто не вполне уместное, а офицеры-бюргеры, чей образ становится своего рода окказиональным оксюмороном, вызывают в свой адрес насмешки.

Русский путешественник Н.М. Карамзина описывает подобных прусских офицеров-бюргеров, иронизируя над стражей у ворот Тильзита, «<...> где стояли на карауле не солдаты, а граждане <...>», и особенно над «толстым часовым», чья висевшая «под брюхом» «маленькая шпажонка» и вскинутое на плечо «изломанное и веревками связанное ружье» комически противопоставлены «гордому виду» охранника (Карамзин, 1987, с. 16). Этот маркированный филистерской полнотой, надутый спесью персонаж крайне раздражается даже от намека на непослушание. Он заставляет иностранца, практически не знающего немецкого языка, отвечать «<...> на все его вопросы, вероятно с великим трудом наизусть вытверженные» (Карамзин, 1987, с. 16). Показательно также, что образ бюргера-офицера маркирован в имеющем уничижительный оттенок портретном описании оппозицией «маленький – большой»: в сочетании с толстым (большим) «брюхом» «маленькая шпажонка» выглядит смехотворно.

Затем уже в пространстве Берлина повествователь упоминает офицеров-филистеров в юмористической сцене встречи короля Пруссии со своей сестрой, супругой штатгальтера Нидерландов. По причине этого события «все граждане стояли в ружье, и никакая сорочья стая не может так пестриться, как пестрился этот фронт» (Карамзин, 1987, с. 40). Помимо забавного, с позиции русского человека, пестроцветья одежд, в изображении которых было использовано зооморфное сравнение, комическое впечатление от «этого фарса» приумножено поведением солдат, которые «<...> тянули <...> всем фронтом водку, и так неосторожно, что некоторые стукались лбами», но в то же время самонадеянно клялись офицерам «не ударить себя лицом в грязь» (Карамзин, 1987, с. 40). Причем русский путешественник-аристократ отмечает необычную для него малую разницу между офицерами и солдатами: «Офицеры отличались от рядовых только тем, что у них косы привиты были гораздо круче» (Карамзин, 1987, с. 40). Итак, в травелогe Н.М. Карамзина положено начало формированию основных черт данного типажа: прежде всего это нелепый внешний вид (включая одежду и поведение); далее – травестийная театральность в поведении;

наконец, с русской точки зрения, синкретизм социальных статусов, когда в военную элиту входят представители бюргерства: *«Жулицы, все в красных кафтанах, под начальством одного банкира, выезжали встречать Штатгальтеришу за город»* (Карамзин, 1987, с. 40).

Подобным образом мятлевская госпожа Курдюкова описывает в Гамбурге местную *«гард насьональ»* (Мятлев, 1904, с. 31), чьи *«<...> солдаты все из лавок набраны, а комендант их сигарный фабрикант»* (Мятлев, 1904, с. 32), а будучи во Франкфурте, распознает в *«милитер»* и *«сольда»* (Мятлев, 1904, с. 123) бюргеров: знакомого банкира, мосье Креде, мосье Брюля (Мятлев, 1904, с. 124). Мятлевская путешественница, подобно карамзинскому герою, ощущает бутафорский характер парадов военных-бюргеров, их театральность: *«Нужны ль трубы, барабаны?»* (Мятлев, 1904, с. 33). Во Франкфурте Курдюкову будят *«шум, тревога, барабан»* (Мятлев, 1904, с. 123], сопровождающие парад, который устроили в память об освобождении города именитые филистеры, исполняющие роль лихих вояк: *«Подъезжает офицер. Что-то крикнул по-немецки, и в минуту молодецки стали ле месье маршан строится ан режиман и пошли по-дивизьонно, чинно, браво, церемонно»* (Мятлев, 1904, с. 124-125).

Героине И.П. Мятлева проникновение армейской сферы в пространство купеческого города кажется странным. Гамбург знаменит не военными, а торговцами: *«Не драбанты, а кауфманы славу здесь должны стяжать, и не саблей обожать»* (Мятлев, 1904, с. 33). Следовательно, коммерческие города, на взгляд Курдюковой, не нуждаются в воинских доблестях: *«Не ко времени пружсы»* (Мятлев, 1904, с. 32). Подобное представление-парад она наблюдает и во Франкфурте, где трагедийное шествие происходит на «важнейшей и старинной» готической площади Ремер с *«ле пале антик»*, известной в былые времена как место выборов императора высшей аристократией. Новое время, пришедшее на смену Средневековью, создает контраст эпох: *«Теперь нет их [герцогов – авт.]; без венца командиры – три купца просто в шляпе треугольной и с фигурой предовольной. Их доспехи: эн фрак нуар, эн жабо и эн мушуар, и манжеты, и манишки, и атласные штанишки, э де букль, э де сулье. И шпаженка ан-асье, коей <...>, даже мухи не обидеть. Уж совсем не милитер!»* (Мятлев, 1904, с. 125). Описания странных одежд и нелепой «шпаженки» в «Сенсациях...» сходны с карамзинскими. Карнавальность достигает кульминации, когда в обличье военных проглядывают феминные черты: *«Они войско провожают, <...> вокруг себя водят шапо, как возжу <...> и кокетно и манерно опахалом я [то есть Курдюкова – авт.] моим перед щеголем иным <...>»* (Мятлев, 1904, с. 126).

Насмешкой проникнуто изображение бюргеров-военных и в тексте Н.А. Корсакова (в отношении гамбургского пространства): *«Все эти миниатюрные фронты составлены из граждан города; тут и купец Офицер, и мастеровой Штаб, или даже и Генерал; и их Благородия, Высокоблагородия и Превосходительства, по окончании ученья, или караула идут опять заниматься своим ремеслом <...>»* (Корсаков, 1844, с. 18).

Даже М.П. Погодин, в основном положительно характеризующий прусские порядки, отмечает чуждость русским местной системы всеобщей воинской обязанности: *«система превосходная, но не всякому народу по духу»* (Погодин, 1844, с. 104-105), причем аргументирует неприятие данного социального установления (*«устройства»*) тем, что в России у третьего сословия нет желания служить в армии: *«Русский купец <...> отмаливается от магистрата, – где ж ему выкидывать ружьем?»* (Погодин, 1844, с. 105).

В общем, образы немецких офицеров даже в случае, где речь не идет о синкретизме филистерского и аристократического начал, оцениваются в основном отрицательно. Неодобрительная оценочность свойственна, в частности, карамзинскому русскому путешественнику, защищающему идею всеобщего мира и вследствие этого воспринимающему милитаристское пространство Пруссии как не-Аркадию (антиидиллию).

В то же время подчеркнем, что отрицательно характеризуются в основном собирательные образы военных Пруссии. Индивидуализированные же образы немецких офицеров оцениваются в позитивной тональности с выдвижением на первый план таких их качеств, как бесстрашие и патриотизм. Примером служит эпизод *«Писем...»*, посвященный гибели *«героя и патриота»* Клейста, *«бессмертного певца Весны»* (Карамзин, 1987, с. 39), обладающего, с точки зрения повествователя, склонностью к прекрасному и одновременно с этим имеющего гражданские добродетели, а именно верность королю и отчизне.

На фоне этих дифирамбов в адрес Клейста образы обычных прусских офицеров исполнены иронии. Так, хотя при описании происходящего в корчме под Тильзитом русский путешественник избегает прямых оценок, само изложение речи встреченного там немецкого Поручика в отставке наилучшим образом характеризует отношение повествователя к данному персонажу. В частности, отмечены крайняя самоуверенность (*«<...> что знаю, то знаю»*) и бахвальство Поручика (*«<...> я <...> безвременно пошел в отставку. А то теперь говорили бы вы мне <...>: “Господин Майор,*

здравствуйте!»); «<...> естли бы Король мой не отговорил мне, то давно бы я был не последним Штаб-Офицером в Руской службе» (Карамзин, 1987, с. 18)). Это напоминает реплику захмелевшего жестянщика Шиллера из повести Н.В. Гоголя, где, кроме хвастовства, также проявляется мотив соединения филистерского и аристократического начал в образе немецкого военного: «Я – швабский немец. Мой сам <...> будет офицер: полтора года юнкер, два года поручик, и я завтра сейчас офицер» (Гоголь, 2009, с. 32).

С точки зрения интеллектуального развития карамзинский Поручик почти не отличается от гоголевского Шиллера. Он не говорит по-французски, развлекается простонародными площадными представлениями с Гансом Вурстом и о своей жене неизысканно отзывается, что та в юности была «как розовая пышка» (признак акцентированной филистерской телесности) и «добра девка», и при этом раскатисто хохочет над рассказом содержательницы корчмы о том, что путешествующий господин из Кенигсберга, завидев госпожу Поручицу, определил ее словами «то-то баба» (Карамзин, 1987, с. 18).

В Кенигсберге карамзинскому путешественнику «<...> везде попадают в глаза мундиры»: в гостинице, например, он встречает за общим столом не менее тридцати «старых Майоров, толстых Капитанов, осанистых Поручиков, безбородых Подпоручиков и Прапорщиков» (Карамзин, 1987, с. 20). Несмотря на то что они «учтивы» с незнакомыми людьми, сущность их разговоров сводится к обсуждению военных смотров и офицерским шуткам с фривольными намеками: «Что за причина, Г. Ритмейстер, что у вас ныне и днем окна закрыты? Конечно вы не письмом занимаетесь» (Карамзин, 1987, с. 20).

Также мотив грубости военных актуализируется у Н.М. Карамзина в дорожной сцене, в которой немецкий Офицер издевается над попутчиком-Французом: сначала немец его поджидает, затем, закулив трубку, пускает соседу «в нос и в рот дымная облака» (Карамзин, 1987, с. 28), а в довершение всего открыто говорит бедняге убираться вон из коляски в фуру и тычет ему в бок рукояткой сабли, из-за чего Француз вынужден жалобно упрашивать оппонента дожидаться остановки, а не вышвыривать его из коляски во время движения. Хотя русский путешественник, наблюдая эту сцену, присоединяется к общему веселью немецких офицеров, такое глумление над беззащитным человеком ему определенно не нравится.

В процессе странствия русский путешественник неоднократно описывает ограниченность немецких офицеров. Так, он подчеркивает, что с Магистром, едущим в Италию «рассматривать древности», он «гораздо согласнее, нежели с Офицерами» (Карамзин, 1987, с. 28), а

также отмечает, что ему не хотелось бы *«всегда жить с такими людьми»* («С ними можно говорить только о смотрах, маршах и тому подобном»), и мысль о скорой разлуке с ними для него *«не очень горестна»* (Карамзин, 1987, с. 31). При этом русский путешественник высмеивает язык этих офицеров, выдающий их недостаточную по западноевропейским критериям образованность (не-французскость): *«Самый язык их странен. Не зная по-Французски, употребляют они в разговоре множество Французских слов, произнося их по своему...»* (Карамзин, 1987, с. 31). Сопоставьте это замечание с ремаркой Д.И. Фонвизина: *«По-французски немцы говорят столь скверно, сколь и неохотно»* (Фонвизин, 1959, с. 451). Также и тургеневский подпоручик фон Рихтер от имени своего друга фон Денхофа договаривается о дуэли с Саниным *«на дурном французском языке»* (Тургенев, 1981, с. 288).

Основное обвинение, предъявляемое пацифистски настроенным карамзинским героем прусским военным, сводится к существующим у них милитаристским настроениям, что акцентируется, например, в описании разговора русского путешественника с немецким Капитаном: *«Ему крайне хотелось, чтобы Королю мир наскучил. “Пора снова драться, говорил он <...> нам нужна экзерциция, экзерциция!”»* (Карамзин, 1987, с. 24). В данном отрывке интересна замаскированная, исполненная иронии антитеза *«доброе сердце»* немецкого Капитана (*«Капитан от доброго сердца хвалил храбрость наших солдат <...>»*) и *«миролюбивого сердца»* русского путешественника (*«Миролюбивое мое сердце оскорбилось»*) (Карамзин, 1987, с. 24). В итоге *«сердце»* Капитана оказывается совсем не добрым, поскольку, как отмечает русский путешественник, на заявление об ужасах войны *«немилостивый мой Капитан смеялся и кричал: “Нам нужна экзерциция, экзерциция!”»* (Карамзин, 1987, с. 24).

Во второй половине XIX – начале XX веков вследствие изменения общеполитической ситуации образ немецких военных становится еще более отрицательным, достигая высшей точки критической оценочности в годы первой мировой войны. Показателен в этом смысле роман Л.Н. Толстого *«Война и мир»*, в котором образ немецкого военного раздвоен. С одной стороны, изображаются немцы-теоретики, в представлении которых война – это абстрактное, геометризованное пространство, где маршируют обезличенные колонны солдат. С другой стороны, писатель создает образ Берга, в сущности, игнорирующего войну как губительное для мира событие. Этот офицер переходит в гвардию в надежде достичь материального обогащения и быстрого продвижения по карьерной лестнице: *«<...> в*

кавалерии выгод гораздо меньше против пехоты <...> и вакансии в гвардейской пехоте гораздо чаще» (Толстой, 1979, с. 76-77). Иными словами, Берг похож скорее всего на типичного немецкого бюргера, занятого приумножением своего капитала, чем на армейского офицера.

В случае с генералами-теоретиками гибель людей на войне есть неизбежность, так называемые допустимые потери, эгоцентрику же Бергу смерть командира сулит благоприятные перспективы продвижения по службе: *«<...> ротного командира могут убить, и он, оставшись старшим в роте, может очень легко быть ротным, <...> в полку все любят его, <...> его папенька им доволен» (Толстой, 1979, с. 77).*

В понимании Берга пространство войны крайне сужается до рамок семейного мирка, в котором смерть не существует и антропные пределы которого образуют чрезвычайно уменьшенный «круг подобия», в котором значатся лишь сам Берг, его «папенька», чуть позже – супруга Вера. Берг не способен покинуть пределы собственного пространства, свойства которого к тому же не только и не столько материального, сколько ментального характера: *«<...> будто для него было очевидно, что его успех всегда будет составлять главную цель желаний всех остальных людей. <...> Берг, <...> казалось, не подозревал того, что у других людей могли быть тоже свои интересы» (Толстой, 1979, с. 77).*

Как видим, в данном персонаже обывательское начало фактически вымещает военное. Подобно «доброму немцу», Берг не только не допускает мысли, что его планы на умножение состояния могут не осуществиться, но и настойчиво идет к своей цели, а поскольку в его пространстве случайность отсутствует, он действительно реализует задуманное: *«Берг, <...> получив роту, успел <...> исполнительностью и аккуратностью заслужить доверие начальства и устроил весьма выгодно свои экономические дела <...>» (Толстой, 1979, с. 300).*

В конце концов, в образе Берга воплощается мотив театральности, притворного героизма, столь характерный для поведения немецких военных в русской литературе, и это можно пронаблюдать в сцене, словно пародирующей эпизод из текста Н.М. Карамзина, в котором получивший ранение Клейст несколько раз перекладывает шпагу из одной руки в другую. Берг, на первый взгляд, действует так же, однако здесь не столько проявление стойкости, сколько демонстрация его окружающим: *«<...> граф, я в правую руку ранен (говорил он, показывая кисть руки, окровавленную, обвязанную носовым платком) и остался во фронте. Граф, держу шпагу в левой*

руке: в нашей породе фон Бергов, граф, все были рыцари» (Толстой, 1979, с. 358). Этот напускной героизм помогает немецкому герою продвинуться по службе и накопить капитал, чтобы занять желаемое место в обществе.

Если у Л.Н. Толстого образ Берга семиотически однороден, то в повести И.С. Тургенева «Вешние воды» образ майнцского офицера барона фон Денгофа отмечен двойственностью. Будучи служебным персонажем, он играет роль сначала антагониста русского героя Санина, а впоследствии – его помощника, способствующего восстановлению связи Санина с Джеммой. Вместе с тем фон Денгофа можно считать символическим «близнецом» Санина: оба молоды, отличаются определенной степенью благородства и даже имеют общую на двоих страсть к *femme fatale*. В данном же случае для нас важно, что немецкий барон-военный становится трикстером-разрушителем идиллически-филистерских планов герра Клюбера. Трикстерность фон Денгофа проявляется в его портретном описании и акцентируется через мотив принятия алкоголя: *«Это был очень молодой белобрысый человек, с довольно приятными и даже симпатическими чертами лица; но выпитое им вино исказило их: его щеки подергивало, воспаленные глаза блуждали и приняли выражение дерзостное»* (Тургенев, 1981, с. 284). Своим поведением он наносит оскорбление Джемме и вымещает филистера Клюбера из занимаемого им пространства. Не осмелившись при всех выразить свое несогласие, бюргер только в карете, в закрытом, огражденном от насильственного проникновения офицера месте, разрешает себе возмущение, которое, однако, довольно быстро умиряется филистерской верноподданностью. Здесь осмеивается раболепие Клюбера, а грубость фон Денгофа обусловлена скорее ситуацией, чем является его характерной чертой.

Иначе расставлены акценты при изображении прусских офицеров в путевых заметках М.Е. Салтыкова-Щедрина. Данные образы последовательно огрубляются, снижаются сатириком, в частности, посредством ольфакторного мотива: *«Уже подъезжая к Берлину, иностранец чувствует, что на него пахнуло <...> офицерским самодовольством <...>»* (Салтыков-Щедрин, 1972, с. 50). Это эгоистическое, отмеченное низким уровнем интеллекта самодовольство, традиционно приписываемое данному образу в отечественной литературе, становится в щедринском тексте и далее предметом насмешки в соединении с физиологизацией изображения (что фиксируется, например, с помощью прилагательного «румяный», то есть телесно здоровый) и его тривиализацией (мотив жалования / денег):

«Идет румяный, крупчатый, довольный, точно <...> получил жалование <...>» (Салтыков-Щедрин, 1972, с. 52).

Также автор высмеивает стиль одежды немецкого офицера, отдающий театральщиной: *«Одет он каким-то чудаком, в форму, напоминающую наши военные сюртуки и фуражки сороковых годов <...>»* (Салтыков-Щедрин, 1972, с. 52). Несообразность внешнего вида персонажа усугубляют усы, закрученные «в колечко» (Салтыков-Щедрин, 1972, с. 52). Этот мотивный ряд (несуразная внешность, театральность поведения) корреспондируется с традицией изображения немецких офицеров в русской литературе. Однако если сравнивать карамзинский и щедринский тексты, то в последнем насмешка имеет более язвительный характер.

Прусский офицер воплощает в себе мотив угрозы, проявляя «к ближнему» «строгость» и «скорость» (Салтыков-Щедрин, 1972, с. 52). На наш взгляд, под «строгостью» здесь подразумевается беспощадность, а под «скоростью» – решительность без каких-либо колебаний. *«Берлинский офицер»* вызывает испуг у повествователя: тому становится *«жутко»*, его *«всегда берет оторопь»*, когда прусский военный *«<...> всем своим складом, посадкой, устоем, выпяченной грудью, выбритым подбородком так и тычет в меня: я герой!»* (Салтыков-Щедрин, 1972, с. 52). Данный культ выставляемой на показ немецкой доблести *«стесняет» «простых людей»*, заставляет их *«забыть о себе»*, о чувстве собственного достоинства, *«обо всем забыть, на все закрыть глаза»*, и помнить лишь о том, что каждый из них *«червь»* и может *«ежесекундно» «погибнуть»*, если за ним не будет *«бдить» «<...> недремлющее око его <...> героя!»*, а значит, надо этого благодетеля *«обожать»* и *«падать ниц»* (Салтыков-Щедрин, 1972, с. 53) перед ним.

При этом автор указывает на существенное различие между немецким и русским героизмом. Первый из них, по его мнению, исключительно внешний: в этом случае важно не быть, а казаться, или, иными словами, непрерывно изображать из себя перед другими храбреца. Мало того, прусский героизм, как считает М.Е. Салтыков-Щедрин, обращен наружу еще и потому, что к нему принуждают со всех сторон власть имущие. Автор как бы выстраивает перед нами своего рода иерархию героизма, основой основ и высшей точкой которой, хотя это впрямую и не говорится в произведении, является кайзер как наивысший авторитет: *«<...> пруссак убежден, что раз он произведен, с соизволения начальства, в герои, раз ему воздвигнут на Королевской площади памятник, то он обязывается с честью носить это звание <...>»* (Салтыков-Щедрин, 1972, с. 53). Русский же

героизм, с точки зрения писателя, имеет природу внутреннюю: *«Русский человек способен быть действительным героем, но это не выпячивает ему груди и не заставляет таращить глаза»* (Салтыков-Щедрин, 1972, с. 53).

Автор предлагает удалить прусского офицера из уличного пространства немецкой столицы и переместить его в какой-нибудь специальный военный локус, где тот без урона для немецкого филистера, *«смирного и скромного колбасника»*, сможет посвящать свое время исключительно «героическим» делам: почитать Плутарха, восстанавливать в памяти *«анекдоты из жизни древних и новых героев»* и поддерживать *«вкус к истреблению “исконного” врага»* (Салтыков-Щедрин, 1972, с. 53). Однако важно не забывать, что показное поведение немецких военных, фальшивость их героизма не ослабляют исходящей от них угрозы.

Образы военных помещены в пространство немецкого столичного города и в стихотворении С. Черного «В Берлине». Подобно М.Е. Салтыкову-Щедрину, С. Черный обращает внимание на нелепый внешний вид офицеров (*«Ватные военные, украшенные штрипками, вдев в ноздри усы <...>»*) и одновременно обращается к мотиву страха, внушаемого немецкими военными наблюдателю: *«Военный оркестр! Я метнулся испуганно к стенке <...>»* (Черный, 1996а, с. 251)). Также их занятие (*«<...> охраняли дух основ»*) (Черный, 1996а, с. 250)) включает в себе мотив нарочитой миражности, ведь *«духу основ»*, в сущности, ничто не грозит.

В рассказе же С. Черного «Техники» уже отмеченный нами мотив смешения филистерской и милитаристской сфер встречается в образе полковника из военного министерства, который оплачивает разработку всевозможного оружия массового поражения. В описании внешности этого героя выделен типичный при изображении немецких филистеров признак выраженной телесности, полноты: *«плотный такой, щеки, как окорока», «жирные полковничьи ляжки», «<...> толстым пальцем побарабанил <...>»* (Черный, 1996б, с. 101). В то же время эта телесность оказывается связана с смертностью: потеющий полковник назван *«мокрым», «как утопленник»* (Черный, 1996б, с. 101). Целерациональность, присущая типажным немцам и доведенная С. Черным до гротеска, заставляет полковника отказаться от максимально эффективного оружия, которое могло бы истребить полностью всех врагов Германии: ведь, с позиций его логики, сохранение интересов военного ведомства, дисциплинарно-казарменного режима антиутопического милитаристского пространства, которому он служит, гораздо важнее идеи победы над

противником: «А что же мы, военные, будем делать после твоего проклятого изобретения? <...> С войной что будет? <...> Ремесло наше уничтожить хочешь, армию перекрасить, маршировки лейтенантов прекратить!» (Черный, 1996b, с. 102). Тем самым рассуждения о героизме обращаются в симулякр, в ширму, скрывающую интересы военной элиты.

Таким образом, на протяжении более века типаж немца-военного сохранял свое «смысловое ядро» в русской словесности. В набор устойчивых черт данного типажа входят неестественность поведения, преувеличенный героизм, переводящий высокое в низкое и вызывающий ассоциацию с театральной игрой, ограниченность и брутальность персонажа, несущая угрозу всем другим, от «исконного врага», французов, до собственных немецких граждан. Кроме того, наблюдается частичное наложение образов военного и филистера-бюргера, что усиливает мотив театральности и дополнительно снижает элитарность образа немецкого офицера.

Литература

- Жуковская А.В., Мазур Н.Н., Песков А.М. Немецкие типажы русской беллетристики (конец 1820-х – начало 1840-х гг.) // Новое литературное обозрение. 1998. № 34.
- Оболенская С.В. Германия и немцы глазами русских (XIX в.). М., 2000.
- Фарафонова О.А. Специфика изображения «чужого» в «Похождении прапорщика Климова» // Филология и человек. 2017. № 1.
- Boden D. Die Deutschen in der russischen und der sowjetischen Literatur. Traum und Alptraum. München, Wien, 1982.
- Lebedeva O.B., Januškovič A.S. Deutschland im Spiegel der russischen Schriftkultur des 19. und beginnenden 20. Jahrhunderts. Köln, Weimar, Wien, 2000.

Список источников

- Герцен А.И. Собр. соч.: в 30-и тт. М., 1958. Т. 14.
- Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 17-и тт. М., 2009. Т. 3.
- Зиновьев В.Н. Журнал путешествия по Германии, Италии, Франции и Англии (1784–1785) // Россия и Запад: горизонты взаимопознания. М., 2008. Вып. 3.
- Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1987.
- Корсаков С.А. Рассказ о путешествии по Германии, Голландии, Англии и Франции Н.А. Корсакова в 1839 году. М., 1844.
- Крылов И.А. Соч.: в 2-х тт. М., 1956. Т. 2.
- Любяновский Ф.П. Путешествие по Саксонии, Австрии и Италии в 1800, 1801 и 1802 годах: в 3-х ч. СПб., 1805. Ч. 1.
- Мятлев И.П. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже: в 2-х тт. СПб., 1904. Т. 1.
- Погодин М.П. Год в чужих краях (1839): в 4-х ч. М., 1844. Ч. 1.
- Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20-и тт. М., 1972. Т. 14.

- Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22-и тт. М., 1979. Т. 4.
 Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30-и тт. М., 1981. Т. 8.
 Фонвизин Д.И. Собр. соч.: в 2-х тт. М.; Л., 1959. Т. 2.
 Черный С. Собр. соч.: в 5-и тт. М., 1996. Т. 1.
 Черный С. Собр. соч.: в 5-и тт. М., 1996. Т. 3.

References

- Zhukovskaya A.V., Mazur N.N. & Peskov A.M. *Nemetskiye tipazhi russkoy belletristiki (konets 1820-kh – nachalo 1840-kh gg.)* [German Characters of Russian Fiction (late 1820s – early 1840s)]. *Novoye literaturnoye obozreniye* [New Literary Observer]. 1998. No. 34.
 Obolenskaya S.V. *Germaniya i nemtsy glazami russkikh (XIX v.)* [Germany and the Germans through the Eyes of Russians (XIX century)]. Moscow, 2000.
 Farafonova O.A. *Specifika 'chuzhogo' v «Pokhozhdenii praporshchika Klimova»* [Specificity of representing the 'other' in «Adventures of the ensign Klimov»]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2017. No. 1.
 Boden D. Die Deutschen in der russischen und der sowjetischen Literatur. *Traum und Alptraum*. München, Wien, 1982.
 Lebedeva O.B., Januškevič A.S. Deutschland im Spiegel der russischen Schriftkultur des 19. und beginnenden 20. Jahrhunderts. Köln, Weimar, Wien, 2000.

List of sources

- Gercen A.I. *Sobr. soch.* [Works]. In 30 vols. Moscow, 1958. Vol. 14.
 Gogol N.V. *Pohn. sobr. Soch.* [Complete works]. In 17 vols. Moscow, 2009. Vol. 3.
 Zinov'ev V.N. *Zhurnal puteshestviya po Germanii, Italii, Frantsii i Anglii (1784–1785)* [Travel Diary for Germany, Italy, France and England (1784–1785)]. *Rossiya i Zapad: gorizonty vzaimopoznaniya* [Russia and the West: Horizons of Mutual Knowledge]. Moscow, 2008. Vol. 3.
 Karamzin N.M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Russian Traveller's Letters]. Leningrad, 1987.
 Korsakov S.A. *Rasskaz o puteshestvii po Germanii, Gollandii, Anglii i Francii N.A. Korsakova v 1839 godu* [Story about N.A. Korsakov's journey in Germany, Holland, England and France in 1839]. Moscow, 1844.
 Krylov I.A. *Soch.* [Works]. In 2 vols. Moscow, 1956. Vol. 2.
 Lubyanovskiy F.P. *Puteshestvie po Saksonii, Avstrii i Italii v 1800, 1801 i 1802 godakh: v 3 ch.* [Travel in Saxony, Austria and Italy in 1800, 1801 and 1802]. In 3 parts. St. Petersburg, 1805. Pt. 1.
 Myatlev I.P. *Sensacii i zamechaniya gospozhi Kurdyukovoy za graniceyu, dan l'etranzhe* [Mrs. Kurdyukov's Sensations and Comments Abroad, Dan l'Etrange]. In 2 vols. St. Petersburg, 1904. Vol. 1.
 Pogodin M.P. *God v chuzhikh krayah (1839)* [A year in foreign lands (1839)]. In 4 parts. Moscow, 1844. Pt. 1.
 Saltykov-Shchedrin M.E. *Sobr. soch.* [Works]. In 20 vols. Moscow, 1972. Vol. 14.
 Tolstoy L.N. *Sobr. soch.* [Works]. In 22 vols. Moscow, 1979. Vol. 4.
 Turgenev I.S. *Pohn. sobr. soch.* [Complete works]. In 30 vols. Moscow, 1981. Vol. 8.
 Fonvizin D.I. *Sobr. soch.* [Works]. In 2 vols. Moscow; Leningrad, 1959. Vol. 2.
 Chorny S. *Sobr. soch.* [Works]. In 5 vols. Moscow, 1996. Vol. 1.
 Chorny S. *Sobr. soch.* [Works]. In 5 vols. Moscow, 1996. Vol. 3.